

Уже сгущались сумерки, ветер крепчал. Сунь Вэньцуй присел на покрытую ледяной коркой речную отмель, устремив взгляд в сторону заднего двора дома Фан Чи.

Шапка была натянута так низко, что почти смыкалась с медицинской маской, капюшон пуховика тоже наглухо застегнут. Мельком глянув, можно было и не заметить, что здесь притаился человек.

Прошло уже пять минут, как Малыш скрылся в доме, но из задних ворот так никто и не вышел.

Ненадежная эта старая псина.

Сунь Вэньцуй вжал голову в плечи, беспокойство грызло его: вдруг Малыш отдал кость не тому? Например, самому Фан Чи... С Фан Чи еще куда ни шло, но если бабушке – тут уже проблемы. Он чувствовал, что найти общий язык с пожилой женщиной будет непросто.

А может, Малыш вообще никому не отдал кость, а сожрал ее сам – все-таки лакомый кусочек.

Или вручил деду, но тот не понял намека.

Или... Малыш просто выбросил кость и отправился спать.

Сунь Вэньцуй думал, что лучше бы об этой его аванюре знали только он да дед. Если бы кто-то еще узнал, ему было бы неловко. Прожив тридцать лет, ко всему относясь с прохладцей, он вдруг сидит на замерзшей деревенской отмели и уповаает на помощь собаки...

Если бы отец узнал, он, пожалуй, даже не смог бы язвительно усмехнуться.

Человеческие возможности поистине безграничны.

Безграничны...

Как же холодно...

Сунь Вэньцуй уже подумывал, не замерзнет ли он здесь насмерть, решая, то ли возвращаться в машину, то ли сразу идти к Фан Чи, как вдруг со стороны заднего двора блеснул луч фонарика.

Молодец, Малыш! Не зря столько лет прожил! Умница!

Из задних ворот вышел человек с фонарем. По силуэту – определенно дед. У деда была армейская шинель, которую он носил всю зиму.

Сунь Вэньцуй тут же вскочил на ноги.

Малыш выбежал следом, тявкнул пару раз и помчался в его сторону. Дед последовал за псом, луч фонаря скользнул по отмели.

Сунь Вэньцуй сделал несколько шагов навстречу, поскользнулся, едва не упал и остановился.

Малыш мчался стремительно, в мгновение ока оказался у его ног, лизнул руку. Он погладил собаку по голове:

- Хороший пёс, умница.

Малышу действительно удалось выманить деда.

Когда дед подошел ближе, на его лице застыло изумление. Он долго светил фонарем в лицо Сунь Вэньцюя, прежде чем произнести:

- Неужели это Водоканал?

- Я самый, - улыбнулся Сунь Вэньцюй. - С наступающим, дедушка.

- Новый год еще не наступил, - дед выключил фонарь. - Что привело тебя сюда?

До этого момента Сунь Вэньцюй не был на сто процентов уверен, совершил ли Фан Чи каминг-аут. Но теперь, увидев реакцию деда, он понял: парень действительно скрыл от него, что раскрылся перед семьей.

Вот молодец, черт возьми.

- Дедушка, я хотел бы поговорить с вами, - сказал Сунь Вэньцюй.

Дед промолчал, затем после паузы протянул ему маленькую косточку и вздохнул:

- Тебе не холодно?

- Я уже замерз насмерть. Вон моя машина, давайте посидим в ней, хорошо? - Сунь Вэньцюй сунул косточку в карман, потоптался на месте и вспомнил о подарочной коробке, которую держал в руке. Он протянул ее деду. - Это... полезно для пожилых людей.

Дед посмотрел на него, затем на коробку и лишь через некоторое время взял ее:

- К чему такие церемонии?

- Это не церемонии, - ответил Сунь Вэньцюй.

Больше дед ничего не сказал и медленно пошел с ним к машине. Сунь Вэньцюй открыл дверь, пропустил деда внутрь и уселся рядом на заднем сиденье.

Малыш степенно устроился у двери. Сунь Вэньцюй поманил его, пес немного подумал, затем запрыгнул в салон и улегся у ног деда.

Когда двери закрылись, Сунь Вэньцюй включил печку и наконец почувствовал долгожданное тепло.

- Фан Чи тебя позвал? - осмотрев салон, спросил дед.

- Нет, - Сунь Вэньцюй снял перчатки, шапку и маску, с облегчением выдохнул. - Он мне вообще ничего не говорил, я сам догадался.

- Если он тебе не сказал, зачем ты приехал? - поинтересовался дед.

- Он считает, что это его личное дело, и должен справляться сам, - объяснил Сунь Вэньцюй. - Я не против, но узнав об этом, не мог не приехать. В конце концов, по сравнению с ним я уже «взрослый».

Дед взглянул на него и снова вздохнул.

Сунь Вэньцюю стало не по себе. С момента их встречи дед только и делал, что вздыхал. Теперь,

при свете салонного плафона, он разглядел усталость на его лице – даже морщины казались глубже.

– Дедушка, я не знаю, что именно сказал вам Фан Чи, – начал Сунь Вэньцзюй. – Но если вам есть что сказать или спросить... я отвечу на все, что смогу.

– Он мало говорил о тебе. Если не спрашивать – не расскажет, боится, что мы тебя обвиним, – дед уставился в свои руки. – И били его, и ругали, и разговаривали. Честно говоря, я даже не знаю, что теперь тебе сказать.

– Дедушка, Фан Чи тут совсем не виноват, – понизил голос Сунь Вэньцзюй. – Будь у него выбор, даже тысячу раз умерев, он бы не избрал этот путь.

Дед закрыл глаза и опять вздохнул.

Спустя некоторое время он спросил:

– Твоя семья в курсе?

– Да, – кивнул Сунь Вэньцзюй. – Но... у меня с отцом всегда были натянутые отношения, так что он особо не вмешивается.

– Хм, – промычал дед. – Вы с Фан Чи... сколько вы уже вместе?

– Год, – ответил Сунь Вэньцзюй.

– Эх... – дед хлопнул себя по колену и вздохнул. – Нам давно следовало догадаться. Ни с кем он не был так близок, как с тобой.

– Простите, дедушка, – тихо сказал Сунь Вэньцзюй. – Нам действительно страшно было вам об этом говорить.

– Сегодня мать одного из однокурсников Фан Чи долго со мной беседовала. Теперь я кое-что понимаю. Знаю, что... такие, как вы, чаще всего уже не меняются, – дед смотрел на него. – Я весь день об этом думал. Как ни тяжело мне это принять, но я не стану ему мешать...

Сунь Вэньцзюй молча смотрел на деда.

Мать однокурсника?

Чьей именно?

Сяо Имин вряд ли, значит, Чэн Мо.

Сунь Вэньцзюй удивился: сколько же всего Фан Чи подготовил за его спиной?

– Водоканал, – дед говорил медленно, в голосе слышалась усталость. – Мне правда трудно это понять. Но хочешь не хочешь, а придется смириться. Все-таки это мой внук.

– Дедушка, Фан Чи вырос на ваших глазах. Я знаю, как сильно вы о нем заботитесь, и он отвечает вам тем же, – сказал Сунь Вэньцзюй.

– Раз уж ты приехал, я хочу тебя спросить, – заговорил дед. – Водоканал, ты старше Фан Чи, и я вижу, что тебе немало довелось пережить. Он сейчас в тебя влюблен по уши, не вытащить...

- Угу, - кивнул Сунь Вэньцуй.

Дед сделал паузу:

- А ты? Я человек бывалый. В двадцать и в тридцать лет о любви думают по-разному.

- По-разному, - Сунь Вэньцуй шмыгнул носом, чихнул в сторону, затем достал салфетку и высморкался. - Если честно... дедушка, каким человеком вы меня считаете?

- Ты? Способный, во всем разбираешься, человек образованный, - дед задумался. - И немного высокомерный, да? Сначала я так подумал, но потом передумал.

- Слишком лестно, - усмехнулся Сунь Вэньцуй. - Дедушка, сегодня я мчался сюда на всех парах. Прежде чем вы вышли, я просидел на отмели почти час. Фан Чи запретил мне приезжать, и я не мог позволить ему узнать, что я здесь.

- Ты точно простудился, - с беспокойством заметил дед.

- Если бы я вам не сказал, вы бы подумали, что я способен на такое? - спросил Сунь Вэньцуй и снова чихнул в салфетку.

- Нет, - сразу ответил дед.

- Вот и я так думаю. До Фан Чи у меня были отношения, несколько раз. Бросал меня, бросал я, были чувства серьезные и не очень. Но никто не заставлял меня поступать так, - продолжал Сунь Вэньцуй. - Вы сами любили, наверняка помните те чувства к бабушке. Когда ради человека готов на все, даже сам не ожидая от себя такого... Вот кто для меня Фан Чи.

Дед смотрел на него, во взгляде читались и любопытство, и недоумение.

- Двум мужчинам вместе сложно, я не могу пообещать жениться или выйти замуж, - Сунь Вэньцуй почувствовал, как пересохло в горле - то ли от долгого разговора, то ли от волнения. - Я могу только сказать, что сделаю его счастливым. Насколько долго - зависит от него. Если он захочет, мы постараемся вместе.

- Эти твои... слова, - дед, казалось, все еще обдумывал услышанное. - Ты говорил их Фан Чи?

- Нет, - покачал головой Сунь Вэньцуй. - Мы обычно не говорим о таком. Фан Чи тоже не любит. Такие вещи и так понятны.

Дед замолчал.

Надолго.

Сунь Вэньцуй тоже не нарушал тишину. Он понимал: дед, возможно, так и не сможет принять их отношения, но теперь он хотя бы не станет настаивать. Выслушает, что они думают, как собираются жить, и со вздохом молча смирится.

Но как отреагируют бабушка и родители Фан Чи?

- Ты поедешь обратно в город? - спросил дед. - Уже темно.

- Ничего, поеду медленно, - ответил Сунь Вэньцуй. - Дедушка, а как бабушка?

- Злится, не может понять, - сказал дед. - Пока не слушает никаких доводов. Дадим ей время.

- Так я и думал, - поморщился Сунь Вэньцуй. - Дедушка, я хочу сказать кое-что, возможно, неуместное, но не могу промолчать.

- Говори, - дед повернулся к нему.

- Фан Чи ничего мне не сказал, и пока он сам не захочет признаться, я должен делать вид, что не знаю. Так что сейчас он остался один на один с этой ситуацией, - Сунь Вэньцуй смотрел на деда. - Помогите ему. Какой бы стойкий он ни был, он еще молод. С таким он еще не сталкивался. Если вы его не поддержите, он сломается.

Дед тяжело вздохнул.

После разговора с дедом Сунь Вэньцуй понял, что Фан Чи в целом хорошо справился, и исправлять ему было нечего. Осталось только надеяться, что бабушка остынет и не заболеет от переживаний.

Когда дед собрался уходить, Сунь Вэньцуй снова протянул ему подарочную коробку.

Дед взял ее, подумал и положил обратно:

- Выйду ненадолго и вернусь с такой роскошью? Бабушка узнает, что ты приходил, и ей опять станет плохо.

- Ах, точно, - Сунь Вэньцуй опешил. - Сказать, что нашел?

- В деревне на дороге разве что коровьи лепешки найдешь, - усмехнулся дед. - Не такие же ценные вещи.

- Может, распаковать и положить в карман? Это хорошо помогает при усталости, можно рассасывать, - предложил Сунь Вэньцуй. Ему очень хотелось добавить: «Или отдайте одну коробочку Фан Чи».

Дед немного подумал и кивнул:

- Тогда пусть бабушка попробует. Скажу, что сосед, старый Чжан, угостил.

Сунь Вэньцуй распаковал коробку и разложил маленькие упаковки по карманам деда.

Сунь Вэньцуй хотел проводить дедушку, но тот остановил его:

- Не выходи, поезжай сразу. Дома выпей имбирного отвара, покрепче, а то точно простудишься.

- Я не такой неженка, - усмехнулся Сунь Вэньцуй.

- Чихал уже целой очередью, - махнул рукой дед. - Поезжай.

- Дедушка... - Сунь Вэньцуй не стал настаивать. - Спасибо.

- За что? - дед посмотрел на него.

- За то, что согласились так поговорить со мной, - сказал Сунь Вэньцуй. - И не побили.

- Хотел, но чувствую, у тебя характер не сахар - вдруг дашь сдачи, - дед поправил одежду и, поманив Малыша, зашагал обратно.

Телефон Фан Чи звонил уже несколько раз. Он взглянул на экран - сообщения от Сяо Имина и Чэн Мо. Отвечать не хотелось.

Он пролежал на кровати уже очень долго. Не хотелось двигаться, выходить из комнаты, общаться с людьми. Хотелось только одного - зарыться в себя.

Любое действие - будь то разговор или просто движение - лишь усиливало чувство вины перед бабушкой и дедушкой. Только так, застыв, как черепаха в спячке, он мог хоть как-то существовать.

Мама Чэн Мо неплохо поговорила с дедом. Фан Чи прочитал её сообщение: она считала, что дед - человек разумный, готовый слушать, думать и принимать, но ему нужно время, чтобы осмыслить всё.

После того звонка дед больше не заговаривал с ним, и Фан Чи не знал, что тот на самом деле думает.

А до Нового года оставалось совсем немного. Скоро вернутся родители... Что тогда делать?

Родственники тоже начнут съезжаться. Новый дом уже готов, всем хватит места, и соберётся вся семья. А если бабушка с дедушкой будут в таком состоянии... Что тогда?

Фан Чи почувствовал, что задыхается. Всё это напоминало гору, на которую невозможно взобраться, или дорогу без конца. Он изо всех сил пытался идти вперёд, но не знал, сколько ещё выдержит и что ждёт впереди.

Бабушка сегодня вообще не готовила. Чем питались старики, он не знал, а сам ограничился плиткой шоколада.

Сначала хотел взять ещё одну, но, развернув, вдруг подумал: бабушка с дедушкой так убиваются, а он тут шоколад жуёт... Как-то неправильно. И убрал обратно.

Сейчас он чувствовал жуткий голод. Ужин давно прошёл, а в животе урчало так, что аж подташнивало.

Хотелось тушёной свинины и куриных крылышек...

Фан Чи закрыл глаза. Наверное, от голода начались галлюцинации - ему почудился аромат тушёнки.

Как вкусно пахнет...

Так хочется есть.

- Поешь чего-нибудь, - вдруг раздался в комнате голос деда.

Фан Чи резко открыл глаза и увидел, как дед ставит на стол миску. Он мгновенно поднялся с кровати:

- Дедушка?

- Бабушка не хочет готовить, так что я сварил лапшу, - сказал дед. - Положил тушёной свинины. Ты же два дня нормально не ел. Проголодался?

Фан Чи промолчал, уставившись на миску с лапшой и мясом.

- Любому делу нужно время, - дед повернулся к нему. - Чем серьёзнее дело, тем больше времени. Я не могу сказать, что полностью тебя поддерживаю, но дай нам срок...

- Дедушка... - голос Фан Чи дрогнул, став хриплым.

- Ешь, - дед вышел, не дожидаясь ответа.

Фан Чи подошёл и сел за стол. Глядя на куски мяса, он ещё ничего не успел почувствовать, как слёзы уже капнули в миску. Он поспешно засунул в рот тот самый кусок, на который упала слеза, вытер глаза и принялся жадно уплетать лапшу.

Дед отлично готовил, и лапша получилась просто замечательная. Фан Чи был настолько голоден, что, казалось, мог бы съесть заодно и миску, и стол.

Закончив, он отнёс посуду вниз, помыл и уже собирался вернуться в комнату, когда дед окликнул его:

- Бабушка у себя. Сходи посиди с ней.

- Хорошо, - кивнул Фан Чи и быстро направился к её комнате, но у дверей вдруг заколебался.

- Не спорь с ней, - тихо сказал дед. - Сейчас мои слова для неё - пустой звук. Только ты можешь её утешить.

- Понял, - Фан Чи кивнул и осторожно открыл дверь.

Бабушка полулежала на кровати, облокотившись на подушку, а перед ней лежала стопка фотографий. Подойдя ближе, Фан Чи увидел, что это его снимки - от самого детства до недавнего времени.

- Бабушка, - он придвинул стул и взял её руку. - Ты всё ещё злишься на меня?

- А ты кто такой? Не знаю тебя, - бабушка выдернула руку и продолжила разглядывать фото.

- Я - черепаший оболтус, - Фан Чи снова взял её руку и прижал к своей щеке. - Бабушка, я знаю, что огорчил тебя.

Бабушка не ответила. Слёзы ручьём текли по её лицу, и она вытирала их рукавом.

- Бабушка, я всё тот же Фан Чи, твой внук, - тихо сказал он. - Мне так больно видеть тебя такой... Я боюсь, что ты разлюбила меня...

- Кто это тебя не любит?! - всхлипнув, бабушка ударила его по плечу, затем ещё и ещё. - Кто не любит?! Кто не любит?! Да кто же это тебя не любит?!

Фан Чи закрыл глаза и молчал.

- Именно потому, что люблю, не могу понять! - бабушка шлёпнула его по голове, не сильно, а затем провела рукой по затылку и слегка надавила.

Там, куда дед стукнул трубкой, образовалась шишка, которая до сих пор не проходила. Фан Чи даже спать не мог на спине. От прикосновения он вздрогнул.

- Болит? - спросила бабушка.

- Угу.

- И правильно! Так тебе и надо! Пусть знаешь, как нам больно! - она снова шлёпнула его.

- Насколько вам больно, настолько и мне, - тихо вздохнул Фан Чи.

Бабушка промолчала, перебирая фотографии и смахивая слёзы.

- Какой же ты был хороший мальчик, - прошептала она. - Какой хороший... Послушный, воспитанный, никогда не доставлял хлопот.

Фан Чи опустил голову и упёрся лбом в край кровати.

- Дед говорит, что тебя не переделать, - продолжила бабушка. - И что это не болезнь, что таких людей много, просто мы их не замечаем.

Фан Чи молчал.

- Я так мечтала увидеть невестку, подержать на руках правнука... - голос её снова дрогнул. - Может, я так надоела тебе с этими разговорами, что ты...

- Нет, бабушка, правда нет, - Фан Чи сжал её руку. - Я всегда был таким.

Бабушка вздохнула и через паузу продолжила:

- Я понимаю, что слёзы, истерики и злость уже ничего не изменят. О правнучке можно забыть. Но я боюсь... В жизни столько языков, каждый что-то скажет, и... мне больно за тебя.

- Мне плевать на чужие языки и глаза, - поднял голову Фан Чи. - Мне важны только вы. Только вы и ваше мнение.

- Эх... - бабушка долго смотрела на него, затем нахмурилась. - Скажи, этот Сунь Вэньцуй... Неужели он того стоит? Ты правда так его любишь?

- Что? - Фан Чи опешил.

Бабушка взяла одну из фотографий и погладила её:

- Хотя, как говорит дед, даже если бы не он, ты всё равно полюбил бы кого-то другого. Но только не девушку.

Фан Чи опустил голову и снова упёрся лбом в кровать.

- Я сижу тут, думаю, думаю... Обо всём на свете, - бабушка вытерла слёзы. - Думаю, этот Вэньцуй, когда только приехал, отказался спать на старой кровати, потребовал новую, да ещё и с матрасом. Занавески, постельное бельё - всё поменял, да ещё и чтобы всё в одном стиле было. Стул купил такой, что если в него сесть - не встанешь. Зимой мёрзнет, летом жару не переносит, еду выбирает... Настоящий барин! Как ты с ним уживаешься?

- Бабушка, - усмехнулся Фан Чи. - Тебе же он сам нравился, разве нет?

- Нравился. И сейчас не сказать, что разонравился, - вздохнула бабушка, затем вдруг выпрямилась и шлёпнула его по спине. - Ты случайно не за его деньгами? По мне, так он богатый.

- Что... - Фан Чи поднял голову. Ему было одновременно и больно за бабушку, и смешно. - Разве я такой?

- Нет, мой внук - хороший мальчик, - бабушка погладила его по щеке, и слёзы снова хлынули. - Как же так... Как же так вышло... Почему...

Фан Чи обнял её и начал гладить по спине.

Бабушка рыдала, и в её плаче слышались тревога, страх, злость, недоумение и обида.

Ему было больно смотреть, но он не знал, что сказать. Только крепче обнимал её и шептал:

- Не плачь, бабушка. У меня всё будет хорошо. Много таких, как я, и у них всё в порядке. Ничего страшного, всё будет хорошо...

Когда Фан Чи выходил из комнаты, его футболка на груди промокла от бабушкиных слёз.

Дед всё ещё сидел в гостиной и курил. Увидев внука, спросил:

- Поговорили?

- Не знаю. Бабушка выгнала меня, - ответил Фан Чи. - Сказала, что хочет спать.

- Пусть поспит. Поплакала - теперь полегче. Выспится, завтра продолжим, - дед махнул рукой.
- Иди отдыхай. На столе оставил мазь - натри затылок и ложись.

- Хорошо, - Фан Чи кивнул и направился к лестнице.

- Кстати, - добавил дед. - Об этом... Пока не говори родителям. После праздников.

Фан Чи обернулся:

- Ладно.

- Я сам с ними поговорю, - сказал дед.

- Что? - Фан Чи остолбенел.

- Мой сын - я знаю, как с ним разговаривать, - пояснил дед. - Если ты начнёшь, всё запутается.

- Дедушка... - Фан Чи не мог подобрать слов. Ему хотелось разрыдаться.

- Ладно, иди отдыхай, - дед поднялся. - Мне нужно подумать.

Завибрировал телефон. Сунь Вэньцзюй взглянул на экран - Фан Чи. Он посмотрел в зеркало заднего вида, припарковался и ответил:

- Как ты там?

- Уже лучше, - засмеялся Фан Чи. - Слышишь, правда лучше?

Голос его по-прежнему звучал хрипло. Сунь Вэньцзюй цыкнул:

- Не слышу. Всё тот же утиный крик.

- Ты поел? - спросил Фан Чи.

- Давно, - ответил Сунь Вэньцзюй. - Два дня подряд острое - язык уже немеет.

- Ты же знаешь, сейчас такой сезон - легко простудиться, - сказал Фан Чи. - И шоколад поменьше ешь - от него тоже горло болит, да и поправляешься.

- Ага, - усмехнулся Сунь Вэньцзюй. - Понял.

- Я... - Фан Чи запнулся. - Я говорил тебе, что иногда я очень по тебе скучаю? Ну, я всегда по тебе скучаю, но иногда... Очень-очень сильно.

- Сейчас? - спросил Сунь Вэньцзюй.

- Угу. Даже плакать хочется, - Фан Чи хрипло рассмеялся. - Эх, дела...

<http://bllate.org/book/14411/1274196>